Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбирается въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіяньского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 15. Львовъ, 6 Цвѣтня 1856. РОКЪ IX.

КЪ БОГУ

во время грозы.

Боже! когда десницею своевь
Ты время людское казнишь,
Пригадуешь ему, що ты по всей
Вселенной жизнь руковь держишь.
А строгая долонь твоя
Любовою водится отца:
Боже! и въ грозѣ познаемъ тебе,
Вездѣ есть воля всесвята твоя.

Иль нечаянно я паду мовь колосъ
Попранный смертосною стоповь,
Къ тебѣ послѣдній возноси мой голосъ,
Я путь узрю надеждный предъ собовь.
И тамъ твоя всесильная рука,
Владѣетъ жизнью міровъ безъ конца:
Боже будь милосердный для мене
Я уповаю крѣпко на тебе.

І. Гушалевичь.

О СУЕВѢРІЮ МОРЛАХОВЪ.

(продолженье).

Щобы тѣмъ лȣчше изобразити собѣ силȣ сȣевѣрїѧ Морлаховъ, придаю тȣтъ розказъ одного польского пȣтешественника, который былъ наочнымъ свѣдкомъ, при одномъ дивномъ приключенїю.

„Предпринѧлъ ємь былъ пȣтешествїє до Ворґоразъ и переночовалъ ємь въ маломъ селѣ Варбоска. Мой господарь богатый и гостинный Морлахъ, именемъ Вȣкъ Роглоновичь, былъ веселого характерȣ, любѧщїй вино и свободне житье. Жена его была еще хорошою, а дочка не имѣюча не больше ѧкъ шестьнадцать лѣтъ, была отзначающихъ сѧ чертовъ и оудовольной подобы. Изповѣлъ ємь желанїє забавити нѣсколько дней въ томъ домȣ длѧ отрисованѧ где некоторыхъ древностей, находѧщихъ сѧ не далеко отъ того мѣстца. Честныи тїи люди отстȣпили менѣ сей часъ свѣтлицȣ, не желаючи нїѧкой грошевой нагороды; но благородна гостинность таѧ съобовѧзала мене сидѣти такъ долго оу стола, ѧкъ долго хотѣлось прїѧтелеви моємȣ Роглоновичȣ; а кто не бȣдь ѣлъ или пилъ съ морлахомъ, можетъ здогадатисѧ, сколько коштовалъ мене тотъ обовѧзокъ. Одного вечерѧ, когда обѣ невѣсты вже отъ годины насъ оставили, а ѧ забавлѧлъ господарѧ моего розличными пѣснѧми, перепȣдилъ насъ прошибательный крикъ, напрѧсно въ спальной комнатѣ розлегшїй сѧ. Сей часъ поскочилисьмы до нашой зброи, а въ хвилѣ когда двери отверглись, мы очень оужасный видъ поразилъ насъ. Блѣдаѧ мати, съ розметележенными (розчихранными) волосами, держала въ своихъ рȣкахъ омлѣлȣ дочкȣ, и повторѧла поразительнымъ голосомъ: „Опырь! опырь! бѣднаѧ моѧ дочка не жїетъ вже." За хвилю змогли мы очȣнѧти несчастливȣю Равȣ (такъ звалась дочка), и тогда по-

чала розказовати намъ, же бачила блѣдого человѣка, прїодеженного полотномъ, входѧщого черезъ окно; же тотъ человѣкъ кинȣлъ сѧ на ню, кȣсалъ и майже дȣсилъ; прибавила, же видѣлось ей познати въ немъ одного жителѧ тогожь села, именемъ Вирчаный, що передъ пѧтнадцѧть днами оупокоилъ сѧ. Имѣла она червоное пѧтно на шїи, лишь не знаю, чи то было пѧтно прирожденное, чи отъ окȣшенїѧ где ѧкого насѣкомого. Когда дерзнȣлъ емь представити имъ мою здогадкȣ, отецъ отвергъ сѧ ей съ гнѣвомъ, а мати прозвала мене недовѣркомъ, забезпечȣючи, же сама на властны очи бачила опырѧ, и що совершенно познала въ немъ Вирчаного; принȣжденъ былъ емь молчати. Въ тотъ часъ хорошаѧ Рава, предаласѧ напрасномȣ отчаѧнїю; заломикала рȣки воскрикаючи безпрерывно: „должножь загибати менѣ такъ молодою, не дождавши сѧ мȣжа." Сгромажено сей часъ всѣ амȣлеты, ѧкїи лишь въ селѣ прїобрѣсти можь было, и позавѣшовано ихъ на шїи хорой. Отецъ заприсѧгъ, що завтра рано повелитъ откопати трȣпа Вирчаного и спалити въ присȣтствїю всѣхъ сродниковъ. Всю ночь непокоилисѧ родичи, не могȣчїи потѣшитись. Скоро лишь стало свитати, цѣле село возрȣшило сѧ. Мȣжчины озброенны были въ рȣчницы, невѣсты несли снарѧды пекарночны розпеченны въ огнѣ, ба и дѣти держали въ рȣкахъ камени и дрȣчки. Толпою поспѣшили на цментарь, изрекаючи зложеланїѧ на оумерца, и ледвы съ великою трȣдностїю измогъ емь добратисѧ тижбою, дабы сближитисѧ къ долȣ. Отгребенїе тревало долго, понеже всѣ желали занѧтись тѣмъ дѣломъ; неладъ былъ бы безъ сомнѣнїѧ причиною ѧкогось приключенїѧ, если бы два съ помежи старшихъ, не принȣждали были розъѧренну толпȣ до того, щобы лишь два занимали сѧ отгребенїемъ тѣла. Въ хвилѣ, когда здерто изъ трȣпа простирало, ѧкась невѣста побочь мене стоѧща, произвела крикъ такъ оужасный, що ми всѣ волосы на головѣ повстали. „То опырь — покликовала она, червы еще не доткнȣли сѧ его." Тысѧщи голосовъ повторило въ одинъ часъ тїи слова, а двадцѧть выстрѣловъ розтрѣскало головȣ небожчика. Послѣ того мати и отецъ Равы, потѧлъ трȣпа долгими ножами; на конецъ юноши привѧзали злишкȣ до пнѧ сосновогo, и повлекли на взнесенный стосъ сопротивъ хижи Роглоновича. Запалено, а тѣло спламенѣло середъ танцовъ и покликовъ толпы. Неизносимаѧ вонь принȣждила мене сей часъ отойти, и повернȣлъ емь сѧ въ домъ господарѧ моего, где было полно жителей обого пола. Мȣжчины кȣрили тютюнъ, а невѣсты кричали въ одинъ часъ, и надавали розличны вопросы бѣдной хорой, котора все блѣда и знедȣженна, заледвы могла отповѣсти.

(П. с.)

ДОБРО ТОМУ, КОМУ БОГЪ КУМОМЪ.

Народнаѧ повѣсть изъ хорватского.

(продолженїе).

Когда вже змѣѧ первый сонъ солодко снила, подойшла къ ней жена и сѣпнȣла такъ сильно за крыло, що отъ разȣ одно перо ей исторгла.

„Що ти такого? — проговорила заспанна змѣѧ — чого шибаешьсѧ та недаешь ми спати?" На що жена просѧчимъ голосомъ отвѣтила:

„Ахъ любезный мȣжȣ! послȣхай — но мой сонъ. Быламь въ ѧкомсь королевствѣ, где король жаловалсѧ, що его грȣша, ко-

тораѧ золотый плодъ родила, почала сохнꙋти.”

Отъ! — сказала змѣѧ — крꙋгомъ дꙋракъ, видко ничого не знаетъ. Нехай только подъ пнемъ два, три сажни глꙋбокꙋю ꙗмꙋ выкопати дасть, а найдетъ подъ коренемъ грꙋши золотый ланцъ на десѧть сажни долгїй; тотъ отже когда вытѧгнетъ оузритъ, ꙗкъ емꙋ сновь грꙋша красно родити бꙋдетъ. Нꙋ! чи еще ми що скажешь?”

„Нѣтъ больше” — отвѣтила жена.

Змѣѧ обернꙋлась и вкоротцѣ оуснꙋла; Ивась же не былъ лѣнивъ та все списалъ, що ино змѣѧ говорила, такожь и змѣское перо, которое емꙋ жена подъ постель кинꙋла, взѧлъ къ собѣ а оуцѣловавши оное сховалъ за пазꙋхꙋ. — За нѣкїй часъ снова встала жена къ змѣи и вырвала ей дрꙋгое перо, которое также подъ постель зрꙋчно вергла.

„А ꙗкое лихо та напало, що не даешь ми спати? отозвалась немножко сердитаѧ змѣѧ.

„Не сердись дорогїй человѣче! сновь имѣла ꙗ чꙋдный сонъ. Пришедши въ ꙗкїйсь городъ именно въ дворецъ королѧ, оувидѣла ꙗ тꙋтка, ꙗкъ зажꙋренный король жаловалсѧ надъ тѣмъ, що его дочкꙋ неслыханны чираки та болѧчки обсыпали. Вже половинꙋ маеткꙋ своего выдалъ на розличны лѣки, но все годѣ та годѣ!”

„Нꙋ послꙋшай жено! — промовила змѣѧ — таѧ дочка королѧ ишла одного разꙋ на св. причащенїе, а когда ей свѧщенникъ св. тѣло подавалъ, несчастье хотѣло, що тое на землю оупало въ тотъ часъ, коли вже оное полкнꙋти имѣла; томꙋ то вылѣзла изподъ сходовъ жаба и поглотила св. тѣло, а такъ стала королевскаѧ дочка прокаженна. Но еслибъ кто до церкви пойти та подъ сходами великого олтарѧ копати хотѣлъ, оувидѣлъ бы еще теперь онꙋю жабꙋ; ей отже нехай повздолжь хребта скоркꙋ перетнетъ, а св. тѣло цѣлкомъ ненарꙋшимое покажетсѧ; потомъ ополокавши тое да королевской дочцѣ подасть, а скоро и подꙋжѣетъ.”

Змѣѧ скончила и напоманꙋла женꙋ, щобъ больше вже ею не бꙋдила, та опѧть оуснꙋла. Ивась все си посписовалъ и имѣлъ такъ два пера. — За часокъ почала змѣѧ храпѣти ꙗкбы пьѧный кꙋмъ; жена тогда встала и потѧгши сильно за крыло сновь одное перо ей выскꙋбла, которое подъ постель Ивасеви кинꙋла.

„Чꙋешь — пробормотала розѧренная змѣѧ — если еще разъ пробꙋдешь мене, то полꙋчишь такꙋю заꙋшницꙋ, що ти всѣ звѣзды засвѣтатсѧ; до ꙗкого вѣса непокоишь мене, чи може вже ты съ оума сойшла?”

„Ахъ дꙋшенько моѧ! несердись молю тѧ, — стала жена потѣшати — самаѧ не знаю, ꙗкъ мене сей ночи ꙗкїись чꙋдны сны напопали, що и тѧжко мирно переспатись. Во снѣ была ꙗ въ ꙗкомсь краю, где люди отъ голода та жажды мꙋчительною смертїю гинꙋли, притомъ жаловалисѧ менѣ, що вже отъ трехъ годовъ дощъ коло нихъ не было.”

„Отъ безглꙋзды глꙋпаки! — отповѣла сердито змѣѧ — нехай лишь подъ порогомъ церкви копаютъ и онꙋю кость, котораѧ тамъ закопанна, выкинꙋтъ, а оувидѧтъ, ꙗкїй дощъ имъ люнетъ. Но теперь оставь мене въ мирѣ, иначе бо ей Богꙋ! горько зарыдаешь, если еще разъ мене пробꙋдишь.” — На тое опѧть змѣѧ обернꙋлась и оуснꙋла.

Вскорѣ жена и по четвертый разъ вопреки той грозьбы сѣпнꙋла за крыло, и выр-

вала ей перо та подъ постель вергла. Но ледвы тое сдѣлала, тожь вже и змѣѧ люто скочила и почестовала ею такъ немило по лицȣ, що всѣ зȣбы въ ꙗслахъ ей заколебалисѧ.

„Ꙗ смага бы тѧ побила! чи ꙗ ти не говорила, щобъ ты мене больше не непоконила, — ꙗкого ворога хочесь днесь отъ мене?" розкричаласѧ змѣѧ, що все задȣднѣло. Тогда жена неможко опоравшисѧ ꙗкъбы плачемъ промовила:

„Ахъ тая проклѧтаѧ баба, котораѧ на морю перевозитъ — снилаcѧ ми — и пыталасѧ, чи долго еще черезъ море перевоживати бȣдетъ."

„До скончанїѧ мїра — жестоко отповѣла змѣѧ, — а теперь оутихомирисѧ, поки еще не засвитаетъ, есмь бо вже оутомленна мовь собака. Не дразни мене, послѣднїй разъ тѧ оупоминаю, иначе во лихо собою побесѣдȣемъ." Жена тогда пообѣтовала ею больше вже не бȣдити, и въ самомъ дѣлѣ слово додержала. Завтрѣшнього дна слагодила снѣданокъ, а змѣѧ вставши попоѣла и по давномъ свычаю снова отлетѣла.

Тогда змѣева жена освободила Ивасѧ изъ корыта подъ постелью и добре его накормила та напоминаючи, щобъ старой бабѣ, котораѧ его перевȣчовати имѣетъ, ничого не говорилъ, поки на дрȣгомъ березѣ морѧ не бȣдетъ, отпȣстила и порȣчила его совсѣмъ волѣ божой. Ивась плакалъ отъ радости и немогъ досыть отвдѧчитисѧ за такъ великое пожертвованье, которое перестрашеннаѧ жена понесла; и напослѣдъ, когда намагаласѧ, щобъ ею доконче опȣстилъ, дабы можетбыти змѣѧ сновь не вернȣласѧ а его не прожерла — торопливомъ крокомъ пошелъ въ горȣ а оттȣда къ морю.

Баба дождавшисѧ весело принѧла его въ човно и безпрестанно выпытоваласѧ, чи долго еще черезъ море перевоживати бȣдетъ. Ивась прирекъ ей позднѣйше сказати. Но когда вже отъ берега такъ на сто сѧжни отдалилисѧ, перестала старȣха кермовати мовлѧчи; що ни на волосъ съ чолномъ не поступитъ, поки ей на вопросъ не отповѣсть. Ивась видѧчи, що нїѧкъ не идетъ сказалъ, що возити бȣдетъ до скончанїѧ мїра. На тое розлютиласѧ баба и заколебала чолномъ такъ, що Ивась въ море оупалъ. На счастье зналъ онъ плыти а тȣгїи мышицы (мȣсвȣлы) не преневѣрилисѧ емȣ, и такъ рȣгаючисѧ бабѣ выплылъ на дрȣгїй берегъ. Жȣрнымъ крокомъ ишелъ онъ сȣхимъ пȣтемъ и прибылъ въ онȣю сторонȣ, где люди отъ голода и жажды оумирали. Съ радостею витали его совсѣмъ забываючи на свою печаль, а когда Ивась розсказалъ, щобъ подъ порогомъ церкви копали и кость тамъ закопаннȣ выкергли — всѣ сгромадившисѧ къ церквѣ: почали рȣками копати. Еще были дѣломъ занѧты, а вже захмарилосѧ неко первый разъ послѣ трехъ годовъ; когда же огромнȣю ꙗкȣюсь кость выкопали, тогда люнȣлъ дощь ꙗкъ бы съ лȣка. Отъ великого дощȣ немогъ Ивась свою дорогȣ продолжати, та долженъ былъ тȣтка остатисѧ. За три дни млыны мололи, жерела водою наполнилисѧ, а на ливадахъ и и царинахъ зеленаѧ трава прозѧбала. Въ городѣ все радовалосѧ и богатымъ подаркомъ почестовано Ивасѧ, которого гадки отъ теперь лишь въ своѧси стремилисѧ. Тȣтка досталъ онъ десѧть возовъ съ наборомъ всѧкой всѧчины, двадцѧть красныхъ жеребцовъ и столько слȣгъ ꙗко поклонецъ, и такъ съ тѣми дарами пошелъ дальше.

(К. с.)

КАРТАРЬ

образецъ изъ жита городского

(продолженіе)

Самаѧ осталась панна Розалїѧ въ комнатѣ, засꙋмована и зажꙋренна. Въ первыхъ хвилѧхъ сидѣла съ мыслѧми и безъ мыслей. Бесѣда отца поразила ей сердце, которе мѣсто що бы згидити собѣ мало особꙋ Корнилього, ще силнѣйшою любовою запалало къ немꙋ. Розличныи гадки сновались ей по головѣ, а когда лꙋчше вгадала сѧ въ тое такъ горькое длѧ ней обстоѧтельство, здогадавши сѧ, же оно во истинно приключити сѧ могло, одꙋшевленна силою любви, рѣшилась спасти отъ нечести, а ꙗкъ погадала собѣ, кто знаетъ чи и не отъ самоꙋбїйства, своего любка. Рѣшенье коротке, гадка недивна: 500 золотыхъ ренскихъ сей часъ доставити Корнильомꙋ, и годѣ! „Онъ не перетерпѣлъ бы такой ганьбы; и такъ розстроенный видъ его закравалъ на отчаѧнїе, гдесь такъ безпамѧтно полетѣлъ: „о кобъ лишь”.. и занорила сѧ сновь въ задꙋмꙋ. Насꙋнꙋвша сѧ ей такъ чорна мысль, стревожила ею. „Боже сохрани его милостею твоею!” произрекла поглѧнꙋвши голꙋбыми очами на образъ Христа спасителѧ, и не терѧючи часꙋ ꙗла скоро за дѣло. Вынѧвши ключи изъ ворочка, пꙋстилась сей часъ, отворила комодꙋ. Образъ отца ей грозно ставалъ передъ очима, сердце то ледви кивалось, то и ꙗкъ найскорше тьохкало: но любовь перемогла все. Мала дорогоцѣнны бранзолеты, которы полꙋчила на памѧткꙋ отъ оумирающой матери; мати на смертной постели и всѣ ей слова стали ей въ тѧмцѣ — передъ очима: но любовь — любовь — все перемагала. Добꙋвши бранзолеты, прикликала слꙋжницꙋ, и ꙗкъ найскорше велѣла ей привести кꙋпца Ꙗрона, знаемого ей вже отъ нѣсколько годовъ, торгꙋючого галантеричными вещами. Ганꙋсѧ поскочила, а панна Розалїѧ, ꙗкъ бы вже забезпеченна была, похопила чимъ скорше кꙋсникъ паперꙋ, та закимъ оказалъ сѧ жидокъ съ сивою бородою, приспособила карточкꙋ.

— Що ласка вельможной пани повелѣваетъ? озвалъ поклонившись смиренно жидокъ, наморщилъ чело, докинꙋлъ сѧ ꙗрмꙋрки, и сталъ поглажовати сивꙋю бородꙋ.

— Ей господине Ꙗроне, ꙗ мала бымъ щось важного васъ просити.

— Нꙋ, що вельможна панѧ повелѣваетъ? стрепнꙋвши пейсами, та поношꙋючи раменами, спросилъ жидъ.

— Ꙗ бы хотѣла — отъ васъ —

— Нꙋ, щоже такого ласкава панѣ; може матерїи на новꙋ лѣтнꙋю сꙋкню? охъ тожь во свѣжи еще невиданны а прехорошїи отъ парꙋ дней томꙋ спровадилъ емь зъ Бристолю, Парижа, и самого Вѣднѧ, говорилъ поцмокꙋючи кꙋпецъ, ꙗвши поглажовати напрасно пейса.

— Ей не матерїи! нетерпеливо скрꙋтивши головою, отказала панночка.

— Нꙋ, а що же — що же такого ласкава панѣ?

— Ꙗ бы на короткїй — часъ желала выжичити оу васъ — 500 золотыхъ рен-

Нащꙋрившїйсѧ Ꙗронъ, напрѧсно подалъ сѧ въ задъ, ꙗкъ бы го щось за сердце хватнло, и збакиривши ꙗрмꙋркꙋ, недовѣрѧючимъ позираючи окомъ озвалъ сѧ:

— Пѧть сотъ золотыхъ ренскихъ?

— Такъ! отказала Розалїѧ; и то скоро, скоро! кобъ лишь не опозднитисѧ; скоро мой Ꙗроне, скоро!

— Тожь ласкава панѣ не можетъ взѧ-

ти оу татȣна? охъ! тожь вашь татȣньо и двадцать такихъ капцановъ ꙗкъ ꙗ сховалъ бы до кишени! говорилъ жидокъ похлистȣючи слинȣ.

— Ось бранзолета на заставъ! ꙗ не жартȣю; лишь на нѣсколько дней; дамъ що зажелаете, но скоро, скоро! майже молебнымъ голосомъ просила панночка.

— Нȣ, а по що менѣ бранзолеты? ласкава панѣ подпишетъ тратȣ и квита! стрепотавши сновь пейсами отповѣлъ жидъ, и примѣтивши що сей часъ повернесь, вынесъ сѧ сквапно за двери.

Не минȣло парȣ хвиль, а вжежь оказалъ сѧ тотъ самъ жидокъ съ ꙗкимсь дрȣгимъ. Добȣкши пȣляресъ изъ занѣдра, розпростеръ ꙗкїйсь паперецъ, та просилъ о подписъ. Дрожащею рȣкою подписала сѧ Розалїѧ, а жидъ поношȣючи плечима, вычислилъ банкнотами гроши.

— А коли ꙗ отберȣ! запыталъ Аронъ лестно поглѧдаючи.

— За шесть дней найдальше.

— Нȣ, то прошȣ ось дописати, вказȣючи палцемъ продолжалъ жидъ.

— А съ процентомъ — то мы вже погоднимо сѧ, кивнȣвши долонею передъ себе съ оудовольствомъ сказалъ Аронъ, сложилъ ꙗкъ найстараннѣйше подписаннȣ тратȣ, заховалъ, и не зважаючи на ничь больше, съ глȣбокими поклонами отойшолъ гаркотаючи съ дрȣгимъ жидомъ.

Слабою надѣею засїѧли очи панны Розалїи, не перечисливши выпожиченныхъ грошей, сгорнȣла ихъ сквапно въ кȣпкȣ, вложила въ карточкȣ, и запечатала. Коли вже такъ все приспорила, заклинаючи на весь свѣтъ нѧню свою Ганȣсю, велѣла ей чимъ скорше дорȣчити тотъ листъ съ грошьми Корнильовȣ, хотѧй бы и весь Львовъ злетати мала.

Ганȣсѧ отойшла, а Розалїѧ осталась сама въ тревожномъ ожиданїю.

IX.

Было то полъ до семой зъ полȣдна. Оутомленный безпрерывнымъ ходомъ, знедȣжалый отъ такъ тѧжкихъ внȣтренныхъ страстей, ишолъ Корнилїй съ похиленною головою домовь на хорȣщизнȣ. Лице его видѣлось покойнымъ, но горестнымъ: ꙗкоесь повзѧтое рѣшенїе пробывалось изъ чертъ. Но еще не совершенна была мѣра его страданїй; не постигъ войти въ комнатȣ, тожь и ожедающїй его больше отъ годины посолъ Малчинского, врȣчилъ емȣ карткȣ. Осѣлъ на кресло, не знѧвши капелюха и сталъ читати.

— Вжежь и довершенно! озвалъ сѧ за хвилю, стȣдено поклавши карткȣ на столикъ. „Можь отойти вамъ," изрекъ кивнȣвши рȣкою на стоѧщого слȣгȣ, котрый поклонилъ сѧ и вышолъ. Корнилїй знѧлъ капелюхъ, сокрылъ лице въ обѣ долони, и опершись о столикъ, запалъ въ горестнȣ задȣмȣ.

— И нѣтъ спастисѧ отъ нечести? Малчинскїй о всемъ обȣченный; Стȣлскїй, онъ то — тотъ искренный дрȣгъ мой, отворилъ емȣ очи! Га подла мерзкаѧ дȣше! чи есть що въ свѣтѣ огиднѣйшого, вредливѣйшого, ѣдовитшого, надъ лестного злосердного человѣка? ползаютсѧ ѣдовиты гадюки, а подъ черевами ихъ сохнȣтъ, желтѣютъ зеленыи травы, сȣть тыгрысы, зажерты гїенны, волцы, неприбачны смертоносны кордюки, но тїи ничимъ сопротивъ безсовѣстного человѣка. Прецѣжь, прецѣжь разъ отворилисѧ менѣ очи, но запоздно. Щожь менѣ по житю безчестномъ? чи должно менѣ съ такъ дорого кȣпленнымъ досвѣдченьемъ волочити вѣкъ

свой въ погордѣ, презрѣнїю и ганьбѣ? Не позыскаю ничь, кромъ долшого страданїѧ. Такїй бытъ, нехай поносѧть всѣ безвстыдники, которы не соромлѧтсѧ оказати свѣтȣ ганьбою напѧтнованне чело; всѣ закаменѣлы лȣкавцы: но ꙗ — ꙗ поберȣ встыдъ мой въ холодный гробъ съ собою!

Такъ проговорилъ Корнилїй самъ со собою, а глȣбокое востхнѣнїе слѣдовало послѣдномȣ словȣ. И видѣлось, що онъ престалъ вже болѣти; на лицѣ єго все остигло, а померклый блескъ очей чинилъ єго оумирающимъ. Рѣшително поднесъ сѧ, отомкнȣлъ скриню, добȣлъ два спорыи пистолеты. Былъ то дарȣнокъ, по небожчикȣ стрыю. Самъ не зналъ онъ, на що и пощо держалъ ихъ такъ въ скринѣ; не разъ жартовалъ онъ, що тотьи пистолеты, ꙗкъ бы не дай Боже въ лобъ собѣ желалъ выпалити, завсѣгда забȣваєтъ либо отослати, или оставити ихъ домовь, ꙗкъ коли прїѣдетъ. И не подȣмалъ онъ собѣ тогда, ꙗкїи зайдȣтъ емȣ обстоѧтельства, що и принȣжденъ бȣдетъ ихъ оупотребити пращаючись самохоть съ свѣтомъ. Съ холодною кровїю пообзиралъ ихъ Корнилїй, а обсмотрившы вынѧлъ зъ кишени обвиненнȣю бибȣловь пачечкȣ; былъ то порохъ и парȣ олоканыхъ невеличкихъ кȣль. Не надѣючись жадного поблаженїѧ, хотѣлъ онъ дерзнȣтись самъ на себе, и отъ що лишь поступилъ къ дверѧмъ, щобы ихъ на ключь заперти, ажь и засапана Ганȣсѧ — ꙗко ангелъ сохранитель, долго набѣгавшись за нимъ всѣма оулицами, вскочила до комнаты, держачи въ рȣкахъ спасительный листъ.

(П. с.)

ДОПИСЬ.

из Станиславского округа,

Отъ небылица не небылица, а таки правда! Простѣтъ почтенныи читатели рускiи моей простодушности, думаю бо о горькой судьбѣ школъ нашихъ народныхъ, именно же о школѣ Марковецкой понекуда спомнути, якъ то она черезъ неостро́жность спалилась или лучше сказавши выкадилась. Вопервыхъ должно знати, що Марковецкая громада свою школу такъ упорядковала, що можетъ быти нiяка ина ей не выровнаетъ, а то въ слѣдуючiй способъ:

Професоръ Марковецкой школы долженъ быти пещникомъ, (Ofenheizer) сторожемъ школы, писаремъ громадскимъ, дякомъ а часто заступовати мѣстце паламаря, однимъ словомъ: всѣмъ вся! Его обовязкомъ есть школу въ порядку удерживати и вымести, печь щобъ не курилась облѣпити, дровъ нарубати, въ печь влѣзти та затопити; а вылѣзши изъ ней сей часъ дѣти учити, или до церкви бѣчи и проч., якъ то каждому вѣдомо будетъ. Но видко трудно ему приходило всѣ свои обовязки исполнити, хотя онъ съ цѣлою ревностею и прилѣжностею старался. Итакъ на розлвенны свята розпустилъ професоръ своихъ учениковъ изъ школы, та упорядковалъ книгохранилище и школьныи акта, которыи до ладу за печь поставилъ, якъ бы то до якой шафы; потомъ свое ложе, которое всегда коло печи стояло, щобъ недай Боже! якого нежету не набрался, или отъ великой студени не замерзъ, — красненько постелилъ, и замкнулъ школу отправляючись до своего дому на св. вечеръ.

На рождество Христово вставши до дня о 3. часѣ исполнилъ свои обовязки яко дякъ, а пополудни отчитавши самъ вечерню, кажется змерзъ и хотѣлъ загрѣтись; но въ школѣ было зимно, тому щобъ рано имѣлъ где загрѣтись, кинулъ необыкновенную порцiю дровъ до печи, а затопивши добре заткалъ потомъ плытою; и такъ поспѣшилъ до дому посилковатись, та свое господарство обозрѣти, именно: своимъ маржинамъ пашни дати, изъ подъ хлѣвовъ вычистити, маржину напоити и прочое сдѣлати, якъ то обовязокъ доброго господаря жадаетъ. Въ томъ еще недокончивши свое орудованье, ажъ ту выбрана депутацiя Марковецка, которая до своего пароха съ добрыми желанiями ишла до Бабчого, по дорозѣ вступуетъ такожъ и до своего наставника Г. професора, щобъ разомъ съ ними свою честь и участь имѣлъ. Тутка мало забавившись прибыли смеркомъ до своего пароха, та красненько заколядовали цѣлому

домови и всѣмъ гостямъ присутствующимъ; Г. профессоръ же въ имени цѣлой депутаціи крѣпкоголоснымъ словомъ рускимъ въ стихахъ промовилъ, и свои та своей громады добрыи желанія сложилъ, а такъ по всему повернули миромъ въ свояси.

На соборъ ПС. Богородицы Г. профессоръ дуже рано вставши насамперелъ (amor ab ego) подавалъ пашни своей худобѣ, потомъ забралъ ключи отъ школы и церкви, та поспѣшилъ до дому божого; тутка внурившись въ землю почалъ самъ до себе такъ говорити: Треба церковъ вымести, порохи трошки поутирати, свѣчки до свѣчниковъ позаправлятн, та до поставниковъ поприлѣпивати; а обрусы могутъ тьи самы быти, только которыи суть дуже покапанны треба будетъ на другій бокъ обернути; а позвонити такожь выпадаетъ, бо паламариско точно по вчерашньой колядѣ еще спитъ. Такъ собѣ подъ носомъ бандурковалъ, въ томъ завѣтрилъ воню благоуханія актовъ школьныхъ, которая вже по цѣлой Марковѣ залягла; но Г. профессору и на гадку не пришло, що то его подушка съ коцомъ кадиломъ стались, противно думалъ онъ, що якійсь безбожникъ въ такъ великое свято (простѣтъ) безрогу закололъ, та ею такъ рано смалитъ, щобъ потомъ имѣлъ чимъ пригостити колядниковъ. Въ такихъ гадкахъ сближается до школы, ажь ту услышалъ галасъ, крикъ: „Воды несѣтъ, снѣгу давайте, школа горитъ!" Бѣдный г. профессоръ якъ бы помѣшанный прибѣгаетъ, щобъ такожь ратовати; но вже за поздно было,—акта школьныи и его ложе обернулись въ газъ, который запалившись грозилъ великому несчастію, вже бо одна стѣна отъ печи, которая давно спорохнѣла была цѣлкомъ вытлѣла, а двери отъ алкиря и трошки стели сгорѣли. Люди въ помочь прибѣгши повыносили все що видѣли изъ школы, но о скрытыхъ дорогоцѣнностяхъ Г. профессора ничого незнали. Межь тѣмъ Г. профессоръ отворивши школьную пивничку (которая для сховку вина до церкви опредѣленна была) вытягаетъ обѣручь збанокъ и бѣжитъ до церкви, щобъ его въ сакристіи сховати. Люди видячи тое остолпѣли та лишь говорили: Г. профессоръ понесъ гроши съ збанкомъ до церкви, славити Бога! выратовалъ все свое сокровище. — Погасивши все пойшли до церкви, Богу поблагодарити за спасеніе школы. Послѣ того событія пріѣзжаю я до Марковы и убираюсь на службу Божу; въ томъ наразъ вижу въ сакристіи збанокъ обсмарованный нѣбы то роповь, и вже хотѣлъ я паламаря выганьбити, щобъ на другій разъ не отважился ропу до церкви ховати; но обдумавшись лѣпше отложилъ я тое на позднѣйше. Послѣ службы божой выхожу съ церкви, ажь ту на мене люди ждутъ и оповѣдаютъ, що сталося. Я поглянувши на школу и выратованны школьныи вещи, повертаю еще до сакристіи оглянути збанокъ съ грошьми; но чудо! гроши якъ бы не самовиты обернулись въ мазь, а потомъ по службѣ божой въ чорнило! — Школу громада по нѣсколькихъ дняхъ сновъ вылагодила, но Г. профессоу, который кругъ дѣйствія своего переступилъ, и большую порцію дровъ, якъ належалось, до печи кинулъ, отобрала уряъ пещного на всегда, а за вылагоженье школы былъ онъ принужденъ 6 р. простыхъ яко кару заплатити. Що тое все такъ а не инакъ сталось, свѣдчитъ въ сакристіи Марковецкой церкви подлога при розльяномъ чорнилѣ силою збанка напечатанна.

Д. С.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первое четвертьрочіе окончаетсѧ, оупрашаемъ про тое всѣхъ всеч. господниковъ читателей о ласкавое надосланіе предплаты. Далеко большаѧ часть нашихъ читателей, не предплатила ничь доселѣ; тожь не знаемъ ꙗкъ засохтокати сѧ на дальше.

Тvпомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.